

3/28 641 (A8)

ISSN 0130-7517

НЕМАН

№8 2015

Рассказы Валерия КАЗАКОВА

Роман Веры ЗЕЛЕНКО «Благопристойная жизнь»

Из литературного наследия Дмитрия КОВАЛЕВА

Премьера рубрики «Герои Беларуси»

НЁМАН

8/2015

АВГУСТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

«Сябрына»: Беларусь—Россия

Валерий КАЗАКОВ. Поворот к дому. *Рассказы* 3

Владимир ГНИЛОМЕДОВ. Беженцы. 1916 год. *Из романа «Восток».*
Перевод с белорусского М. Позднякова 9

Казимир КАМЕЙША. На родном крыльце. *Стихи.*
Перевод с белорусского М. Кулеша 24

Вера ЗЕЛЕНКО. Благопристойная жизнь. *Роман* 27

Жанна ЗАВАЦКАЯ. Из темного, глухого далека. *Стихи* 76

Наум ГАЛЬПЕРОВИЧ. Вздох нежности. *Повесть.*
Перевод с белорусского И. Кочетковой 79

Ольга НОРИНА. И строчки приходят в томлении странном. *Стихи* 96

Лёля БОГДАНОВИЧ. Подари немного счастья, лето. *Стихи* 98

Наследие

К 100-летию со дня рождения Дмитрия Ковалева

Алесь МАРТИНОВИЧ. Неподвластно забвению 100

Дмитрий КОВАЛЕВ. Все пути озарены тобою. *Стихи* 124

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Джо АЛЕКС. Скажу вам, как погиб он. *Роман. Продолжение.*
Перевод с польского Р. Святополк-Мирского при участии В. Кукуни 131

Герои Беларуси

Кирилл МЕЛЬНИК. Творческий подвиг художника 168

Collegium musicum

Светлана БЕРЕСТЕНЬ. Искать свое, обретая себя 193

Литературное обозрение

С точки зрения рецензента

Валентина ЛОКУН. Последние романтики XIX столетия 206

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ. Наша жизнь — не игра! 215

Напоследок

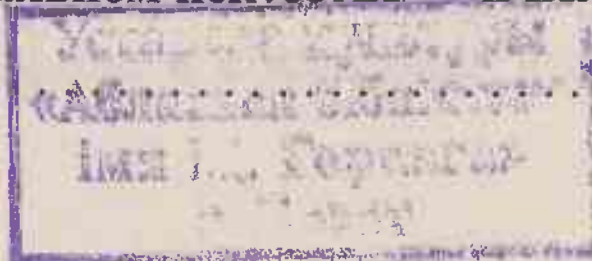
Содружество

Кирилл ЛАДУТЬКО. Украинистика в книжном собрании Петра Глебки 220

Мост дружбы

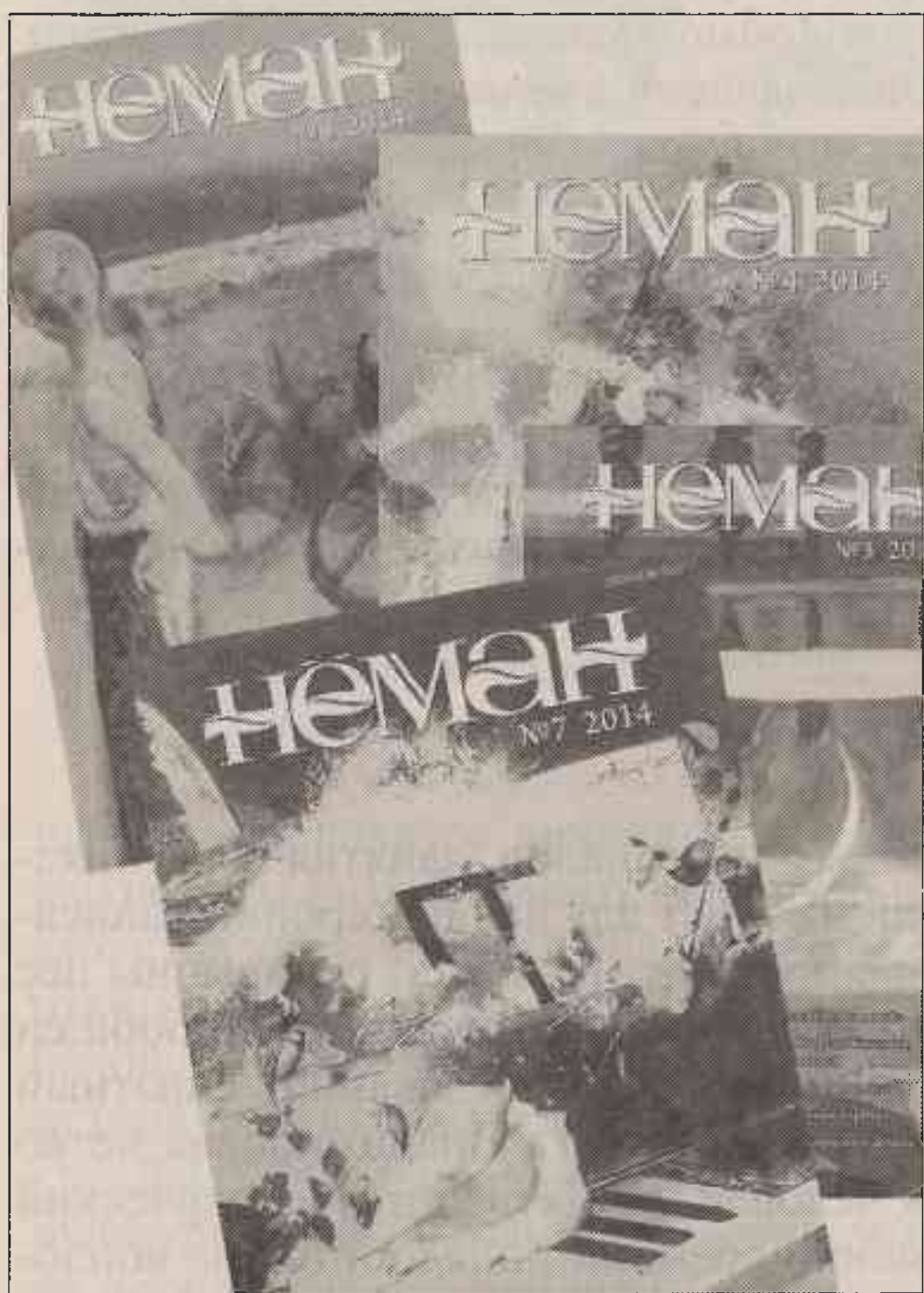
Вероника КАРЛЮКЕВИЧ. О китайском танцевальном искусстве — в Беларуси ... 222

Авторы номера 224

С точки зрения рецензента

Последние романтики XIX столетия

Роман Олега Ждана «Не погибнет со мной» (О. Ждан, «Не погибнет со мной» // *Неман*, 2014, № 3,4,7,8) имеет непростую историю. Идея этого проекта была задумана еще в 60-е годы в серии «Пламенные революционеры», но смогла реализоваться только сейчас — в исторически изменившемся мире, в условиях новой культурной парадигмы. Художественное осмысление истории О. Жданом не вписывалось в идеологические и эстетические каноны ни застойных 80-х годов, ни все разрушающих 90-х. Поражает мужество автора в его противостоянии официальным доктринам и его провидческий талант — отобразенные им

события российской истории 60—90-х годов XIX столетия явно резонируют с днем сегодняшним, с XXI столетием.

На исторические темы, начиная с В. Короткевича, у нас писали и пишут многие. А. Бутевич, Л. Дайнеко, В. Орлов, А. Наварич, Л. Рублевская... Достоянейшие авторы и достойные у них тексты. Только у О. Ждана свое восприятие истории и свои художественные задачи. Писатель пытается разобраться не столько в исторических событиях, сколько в их нравственном наполнении — с позиции истинного гуманитария, а если точнее — с точки зрения христианского понимания человека и развития мира.

Роман «Не погибнет со мной» — сложное художественное целое. Текст выполнен в формате интеллектуальной прозы. С использованием технико-комбинаторных, во многом эклектических и хаотических методов постмодернистской поэтики. По жанровой модификации это одновременно роман документальный, роман-хроника, роман событийный и роман-исследование, роман-полемика и роман-монолог от я-повествователя.

Проблема власти, личности и народа — основные логические центры, вокруг которых организуется художественное поле романа. Образным же центром, по замыслу автора, является достаточно противоречивая и теперь до конца не разгаданная фигура Николая Ивановича Кибальчица. Однако в «полный голос» этот герой заговорит только к концу повествования. Текст наполнен множеством голосов поколения народовольцев, поколения, кото-

рое выросло на идеях народнического движения — протестного движения молодежи 70-х — начала 80-х годов XIX века.

При всем этом О. Ждан формально пытается самоустраниться от прямых оценок исторического времени, передавая эти функции повествователю — литератору и издателю Павлу Сильчевскому. Павел Дмитриевич был непосредственным участником событий, но вместе с тем он оценивает те события уже спустя годы с позиций начала XX столетия. Но это и авторская оценка, его концепция истории, его философия. С учетом общественной и исторической мысли уже XXI столетия.

Весна 1889 года. Новгород-Северская гимназия празднует 100-летие. Это — отправной пункт повествования. Далее автор будет фрагментировать текст, смешивая временные и пространственные пласты и событийное действие.

Восприятие истории у О. Ждана многомерно. Удивительно сложно, многолико и многоголосо передана атмосфера исторического времени, в котором доминировали политический диалог, дискуссия, столкновение концепций и взглядов. По мысли автора, молодежное движение в России есть следствие развития общественного сознания. *«Все поколения и сословия болели переменами, как корью, каждый мало-мальски мыслящий человек строил и предлагал свои спасительные планы. Все испытывали потребность откреститься, очиститься, откупиться, проклясть и присоединиться».*

Как должно жить по законам природы и правды? — этот вопрос занимал умы всего просвещенного населения страны. Но ни брошюры народнические, ни роман Чернышевского ответить на него не могли. Они только формулировали вопросы.

«Я изначально не собирался писать книгу о «пламенном революционере... — напишет О. Ждан в своем письме автору этой статьи. — Кибальчич в моем понимании не революционер по душевному устройству, он человек, вовлеченный в протестное движение молодежи по разным причинам, в том числе

несправедливостью по отношению к нему судебной машины».

Так что же представляет собой Кибальчич в дискурсе О. Ждана?

Герой родился в семье потомственного священника. По законам семьи и генетики, он должен был связать свою жизнь с церковью. Этот сан наследовался в их семье второй век. И этим фактором многое детерминировано в характере героя. Отсюда идут «корни» его уравновешенного, даже «самоустранившегося» поведения. *«То было выработанное поведение людей, из рода в род наследующих духовный сан: нет в мире ничего удивительного, кроме Бога, даже самое таинственное, рождение и смерть, предопределено».* Кроме того, в их роду произошло слияние русской и сербской крови, что также не могло не повлиять на свойства его характера. Отношения Кибальчича с отцом — это отношения притяжения и отталкивания. Отец хотел, чтобы Николка поступил в духовное училище. И он туда поступил, а затем, тоже в угоду отцу, и в Черниговскую духовную семинарию пошел. Отучился два года. И вдруг забунтовал. Вернулся в Новгород-Северский, выдержал экзамен в 6-й класс гимназии. Вот тогда отец, все дальше и дальше отдалявшийся от мирской жизни, и отказал ему в помощи. И только перед смертью признал и свою вину в несложившейся судьбе сына. Помогали Кибальчичу дед Максим и старший брат Степан — военный врач. Он убеждал младшего брата стать доктором: *«Нет службы более угодной Богу, чем докторская!»* Николай же почему-то выбрал Институт путей сообщения. Хотя позже, и не исключено, что под влиянием того же брата, Кибальчич перейдет в Медико-хирургическую академию.

Мировоззрение героя в определенной степени складывалось под воздействием социума — хотя он и сопротивлялся этому, пытаясь сохранить свою нетипичность, непохожесть, свое понимание взаимоотношений человека и мира. Незаметно для себя, не стремясь к этому, Кибальчич был вовлечен в модные тогда поиски демократических путей развития российской государственности.

Автор не дает нам возможности проследить путь становления и развития мировоззренческой парадигмы героя. Он не открывает его внутренний мир, не проникает в его душу, не показывает его сомнений, метаний, не показывает его внутренней боли, нравственной борьбы. Герой избегает рефлексии, самоанализа. Он раскрывается через поступки, спор, полемику, множественные диалоги.

Студенческими умами завладевает идея народа, иллюзия о его всегдашней готовности к протесту и даже социализму. Лидировала Медико-хирургическая академия, которая была настроена более радикально, чем другие учебные заведения. Произошел некий сдвиг в умах и намерениях молодых людей. Даже медицина была отодвинута на второй план. Главным для них казалось служение народу. И даже не служение, а искупление своей вины перед народом. И молодые люди устремились в деревню.

О. Ждан связывает начало террора не с убийством Мезенцева и даже не с выстрелом Веры Засулич. Оно началось раньше. Более того, по мысли автора, террористическое движение было направлено не вовне, а внутрь, не на правительство, а на самих себя. Отсюда и родилась идея вины перед народом, которую интеллигенция должна была искупить. *«Виноваты были все»*. Общество бурлило. *«Уже Иван Аксаков предложил дворянам торжественно и принародно сложить с себя это позорное звание. Уже стыдно было признаться, что лето ты провел не среди бурлаков, поденных рабочих, сапожников, золотарей, а среди братьев и сестер, с милыми родителями. Позорно было не знать... Бакунина, Лаврова, Ткачева»*.

Кибальчич тоже ушел в народ, но не для того, чтобы его изучать, а для того, чтобы убедиться в правоте своего «знания» деревни. Он видел там людей добрых и злых, щедрых и жадных, прямодушных и хитрых. Но главное, они — консервативны, не было у них никакой склонности к борьбе.

В полемике с радикально настроенным бунтарем-индивидуалистом ЭнТэ

(это — образ-идея, фикция) Кибальчич впервые формулирует свое отношение к революции и государственному перевороту. Герой был против насилия, но вместе с тем считал, что *«реформаторская энергия государя уже реализовалась, иссякла. Что же дальше? Путь один: просвещение всех, от крестьянина до сенатора. Новые реформы должны быть вызваны новым уровнем просвещения общества. Далеко не все зависит от воли правительства и государя»*.

Итак, просвещение — вот идеологическая «платформа» Кибальчича-политика. Только не всегда герою О. Ждана удается устоять на этой «платформе», что в итоге и сделало его личность трагической.

Писатель моделирует сложное по архитектонике художественное повествование, где индивидуально-личностное сублимируется с общественно-социальным. Автор создает яркий образ времени, который по своей художественной значимости существенно превышает функцию фона. Народническое движение отображено широко и объемно, в деталях: *«Сходки происходили едва ли не каждый день, и, казалось, ради них, а вовсе не для учения, собралась здесь молодежь со всей России... обсуждалось не только, как жить и что делать, что читать и как понимать, о чем думать, а и что есть, пить, носить, на чем спать российскому интеллигенту»*. Отображенное время кажется соткано из противоречий, противоборства различных концепций и мнений. С одной стороны, утверждения Бакунина, что *«в России столько революционеров, сколько учащейся молодежи, и что страсть к разрушению — страсть творческая»*. С другой — заявление Лаврова, что *«наука — единственная сила в переустройстве общества»*. «Время» было на стороне Бакунина. Позиция Лаврова большинству казалась неубедительной, сомнительной. А были еще и «троглодиты», игнорировавшие лавристов, те, в свою очередь, не признавали, осмеивали «троглодитов» — *«за нарочную дикость и немытые уши»*. А были и такие, и их тоже было много, что

«признавали всё понемногу и ничего в целом». Были еще и «долгушинцы», призывавшие идти в народ, чтобы возбудить его к протесту во имя лучшего общественного устройства.

В воздухе носилось много идей: от молчаливого и безропотного служения униженному народу до кровавого бунта, когда «не лучше ли пролить кровь тысяч, чтобы спасти миллионы». Где главная, которой можно посвятить жизнь?

Кибальчичу импонировали суждения Лаврова. «В самом деле, что, как не образование, поможет темной России, — все больше убеждался герой. Вместе с тем будущий «Техник» не спешил на «баррикады». До осени 1873 года он спокойно наблюдал за происходящим и только после ареста долгушинцев возмутился: «За что?» Именно это противозаконное действие властей и подтолкнуло героя. Он включился в молодежное движение, начал посещать сходки и — усиленно искать ответы на поставленные временем вопросы.

Первый арест Николая Кибальчича состоялся осенью 1875 года.

По России было арестовано около 4 тысяч молодых людей, среди них и Николай Кибальчич. Это был небывалый политический процесс, инициатором которого стал прокурор Жихарев. Одновременно судили «сто девяносто трех и всех разом». Масштаб протестного движения, как и сам политический процесс, позволили автору сделать вывод, что «к ответу призвано ни много ни мало, а поколение. И что ж ему, поколению, молчать?..» Автор углубляется в суть конфликта. Кто виноват в противостоянии? Правительство допустило ошибку, когда у Казанского собора разогнало студентов. Молодежь хотела диалога с властями. Она хотела быть востребованной, а «за ней погнались с лаем и улюлюканьем». Вот тогда поколение и «поняло, что история не рок, а дело рук человеческих, почувствовало себя гражданами...».

Тюрьма для Кибальчича была первой политической школой. Хотя и здесь он пытается сохранить свою индивиду-

альность. После того как в Петербурге в ДПЗ розгами высекли политзаключенного Боголюбова и в ответ на это прокатилась очередная волна жестокостей со стороны социалистов, Кибальчич недоумевает: «Что общего у него с ними? Ничего».

Автор пытается отобразить суть всех, или почти всех, противоборствующих сил. С одной стороны, крайний радикализм организаторов «Тайной дружины» — Стефанович, Дейч, Бохановский — с их тезой, что «пора российскую колымагу перевернуть». С другой — «нельзя рушить старый дом, не имея хотя бы временного жилища. Не сносят храмы, не узрев нового Бога. Или хотя бы пророка».

Кибальчич все больше будет склоняться к тому, что путь к социализму идет через просвещение, физику, химию, физиологию. «Социализм — общество образованных людей, для диких больше подходит монархия». Идея переворота видится ему утопической, ибо время революций еще не настало. Он убежден, что «восстание возможно, если у народа нет надежд и ненависть сильнее чувства опасности. Бунт поднимается со дна жизни, без подготовки и сокрытия намерений». Революция — постепенно нарастающее следствие жизни общества. Есть еще у людей надежда на царя и нет отчаяния. Да и вообще, «злом невозможно погасить зло. Путь зла долгий, непредсказуемый и приводит к еще большему злу».

Мотив «антизла» — первый шаг автора к христианскому императиву.

Судебный процесс о пропаганде в империи закончился большим позором для России. «Всероссийский конфуз получился вместо суда». Мир недоумевал, «за что и почему продержали в тюрьмах двести человек от трех до четырех лет. Девяносто оправданы, многим зачтено время предварительного заключения, всерьез пострадало только двадцать».

Кибальчич, дожидаясь суда, провел в тюрьмах Киева и Петербурга два года и семь месяцев, чтобы, наконец, тем же судом быть выпущенным на свободу в связи с недостатком улики.

Определенную роль в становлении политического сознания Николая Кибальчича сыграет убежденный революционер, *«не то бабувист, не то бакунист»* Тимофей Квятковский. Полемика с ним «оттачивала» убеждения героя, он готов был признать необходимость революции, но не стихийной, т. е. кровавой, а *«подготовленной десятками лет развития, просвещенной, продуманной, с которой согласны все и требуют все»*. Кибальчич не понимал, *«почему — в хаос и из хаоса?»*. *«Революции не делают, они — свершаются»*. А для этого необходимо готовить общественное мнение, необходима основательная, понятная всем программа, наука о революции. На тот момент, по мысли героя, Россия не готова была к революции.

Николай Кибальчич не ушел из политики, как намеревался это сделать в тюрьме в минуты отчаянья. Жизнь вскоре свела его с народовольцами: Желябовым, Фроленко, Верой Фигнер и другими. Судьбоносной оказалась встреча с Александром Квятковским. С этой встречи и началась новая жизнь Кибальчича. *«Очередная новая жизнь»*. Хотя, как подчеркивает автор, никто не мог повлиять на выбор Николая Кибальчича — ни Квятковский, ни брат Степан, ни даже отец. Герой сам, по своей воле и вопреки всякой логике несколько раз ее круто менял. Так было в Чернигове, Новгород-Северском и дважды в Петербурге. И все это были разные жизни.

Начинался новый этап в истории развития общественного движения России. Хождения в народ потеряли свою актуальность. Заметно меньше стало разговоров о любви к народу и больше злобы — к правительству, полиции, к русской истории, к предыдущим поколениям и даже к народным кумирам — Чернышевскому, Чайковскому, Натансону, Долгушину. *«Впечатление было таково, что в огромной топке стало больше жара»*.

Вместе с этим закончилось и время реформ. Да и сами реформы кончились. А время революции еще не наступило. *«Далее что?»* — задается вопросом повествователь. *«Значит, бунт и пере-*

ворот». *«Если оглянуться, не так уж далеки они оказались друг от друга — Бакунин, Лавров, Ткачев, Исполнительный комитет»*.

С исторической арены уходило поколение романтиков, которое было далеко от народа и его запросов, поколение, которое *«с луны свалилось»*. Но и новое поколение было не лучше. *«Все они — и те, и эти — были поражены идеей, как массовой душевной болезнью»*. Остается надежда на новое поколение, *«у которого будет своя идея, а эта перестанет интересоваться»*. *«Несомненно, — уверен один из героев дискурса, — то первое благородное движение выродилось. Террор — признак малочисленности, а значит, и поражения поколения»*.

В 1878 году Кибальчич принимает предложение Квятковского и Александра Михайлова и вступает в кружок под названием «Свобода или смерть». Кружок входил в общество «Земля и Воля» — впоследствии его часть образовала партию «Народная воля». Предполагалось, что именно эта партия станет кумиром для мыслящей интеллигенции. *«Пора понять, что в России слышен только револьвер. Каждый должен отдать партии главное — жизнь»*, — говорилось в документах съезда общества «Земля и Воля».

Начинается последняя, трагическая страница жизни выдающейся личности российской истории Николая Ивановича Кибальчича.

Кибальчич-народоволец посвящает себя изобретению взрывчатых веществ и устройств. Он занимается изготовлением динамита в домашних условиях. Еще в Петербурге, в институте инженеров он возмечтал использовать энергию вращения Земли. Затем он выдвигает идею о двигателе летающей конструкции, способах управления этой конструкцией, и вместе с этим изучает свойства нитроглицерина, пироксилина, артиллерийского пороха.

Кибальчич становится главным техником Исполнительного комитета, принимает участие в покушении на государя в Одессе и под Александровском, а также под Москвой, в Зимнем дворце и в последнем — в Петер-

бурге 1 марта 1881 года. И при всем этом он категорически против убийств. Это и есть главное несоответствие между его «хочу» и «надо», или «хочу» и «могу». Хотел служить народу, отечеству, науке, а служил идее. Вместе со своим поколением. *«Каждое поколение должно найти среди себя смелых и бескорыстных, иначе как жить всем другим? Что ожидает Россию, все человечество без таких вот людей?»*

Так славно было чувствовать себя *«одним из них»*. Это было народовольческое понимание патриотизма. Патриотизма как служения идеи.

Автор сосредотачивается на нравственной составляющей деятельности народовольцев. *«Чего вообще хотят эти люди?»* И вообще, *«как ему, сыну священника, эти две цифры — десять и тридцать три? Десять разорванных динамитом невинных солдат и тридцать три покалеченных»*.

Нравственная идея как базис государственной власти России возвращена на почву православия. *«Мы — православные, и недооценивать этого нельзя. Вот если рухнет оно, православие, тогда иное дело, а пока лишь только добрая воля может принести успех и результат»*.

Охваченные идеей равноправия, свободы для всех, молодые люди отошли от христианских приоритетов. *«Страшен лишь первый выстрел, а после покушения Каракозова и особенно Соловьева не страшно»*. То было поколение, возросшее в свободе. И это было главной причиной их выбора. Не методы воспитания сыграли свою роль, не общественное неустройство, не влияние Европы, а именно это, ибо *«в сущем мире все предопределено»* (8,6). Правда, была еще и жажда абсолютного. Абсолютной свободы, равноправия, справедливости. *«На дрожжах идей и личной неудовлетворенности забродила реальность. Поскольку их, идей, было мало, а неудовлетворенности много, выбрали самую решительную. При помощи любой, даже одной-единственной идеи можно объяснить и построить мир. Годится для такой цели и Бог, и безбожие, и царь, и народ. Главное — вера»*. Вера

в идею, добавим. Вместе с тем, каждое поколение — порождение своего времени, «продукт» своей эпохи. Ибо бытие определяет сознание.

Молодые люди стали заложниками идеи, в которой нет правды, она не «рождена» жизнью и не востребована ею. *«Жизнь идей и жизнь натуральная должны развиваться рядом и бесконечно поправлять одна другую. Нет ничего страшнее оптимизма, что внушает мысль, а не натуральная жизнь»*.

Восприятие мира у Николая Кибальчича также трансформировано идеей, он «обесчеловечен» ею, внутренне деформирован — отсюда и его душевная черствость. Ему не нужны ни старые, ни новые друзья, ему, как и его соратникам-народовольцам, *«идеи... довольно для счастья вполне»*. Таковыми же «обесчеловеченными» предстают и другие народовольцы. Во время допросов Желябов глядит равнодушно и презрительно, Перовская переполнена ненавистью и отчаянием. Но всех их превзошла Вера Фигнер, уже вечером 2 марта она предлагает сделать новое покушение на Александра III — это особый, женский фанатизм, гораздо страшнее мужского.

Именно поэтому адвокат Герард видит в народовольцах некую скрытую ненормальность. Ибо *«нормальный, полноценный человек выше всего поставит свое физическое существование, он понимает временность любых идей, изобретений, и кроме того, не может быть уверен в их правильности, значительности. А жизнь — вот она, во мне и вокруг меня. Она и есть мерило сущего. Нет ее — и ничего нет»*.

«Ты убийца, а не гений!» — так обращается к Кибальчичу полковник отдельного корпуса жандармов Никольский. — *Преступник, а никакой не гражданин! Таких, как ты, следует не казнить, а всю жизнь возить на эшафотных дорогах по городам и весям или содержать в зоологическом саду»*. Никольский-аналитик делил движение социалистов по категориям: идейные и практические руководители (Желябов, Александр Михайлов), исполнители (Рысаков и Тимофей Михайлов); бунтовщики по мировоззрению и по

темпераменту, случайно примкнувшие и т. д. И только Кибальчича он не смог разгадать, тот так и остался для него непознанным социальным типом.

О. Ждан в образе Кибальчича совмещает две исторические судьбы. Совершенно разные — ученого и революционера. «Ты, — говорит Кибальчичу его друг и соратник Сильчевский Павел Дмитриевич, — не революционер, ты ученый, ты можешь реализоваться только в науке, но имя твое погибнет вместе с тобой, никто не будет знать о тебе, будто и не жил на земле!» Однако ошибся Павел Дмитриевич. Имя Кибальчича-революционера в России не погибло вместе с ним. Без Кибальчича «Народная воля» осталась бы «шайкой с кастетами и ножами», и только благодаря ему, а не Желябову и Перовской, тем более малограмотному Тимофею Михайлову и совсем потерянному от содеянного Рысакову, она осталась в истории России.

Поступки Кибальчича так же противоречивы, как и его характер. Он, ученый, уходит из науки, ибо считает это занятие на тот момент недостойным, «как недостойно желать женщину, если ее м-мучает голод и страх». Кибальчич противник террора, пишет программную статью партии под названием «Политическая революция и экономический вопрос» и помещает ее в «Народной воле». Он отрицает любовь к женщине, ибо такая любовь не приносит счастья, а только разочарование. Счастье приносит надежда. Но и надежды на революцию у него не было. Уже накануне, 1 марта, ему «вдруг стало вполне ясно, что гибель императора ничего не изменит». Однако: «Честь партии требует». «Но что — честь, если речь о бессмысленной гибели многих людей?..» И несмотря на внутреннее несогласие, герой участвует в кровавой акции, радуясь только тому, «что нет человека на земле, который бы думал сейчас о нем». Что гложет героя? Совесть за свой поступок или жалость к близкому человеку? Брат Степан летом прошлого года написал: «Догадываюсь, чем ты занимаешься. Одно скажу: не хочу тебя знать».

Таковыми же противоречивыми чувствами Кибальчич полнился и в день покушения. Его радовала неудача товарищей — значит живыми останутся. Но вместе с тем: «...все — даром? Опять напрасно погибнут Александр Михайлов, Колодкевич, Ширяев, Тригони, Желябов? Еще плотнее укутает землю тысячелетняя российская дрема?» И в итоге, вопреки всякой логике и даже физиологии, следует знаменитый «чисто кибальчичевский» поступок: он быстро, как мог, направился к дому — спать. Именно этого спать до сих пор не может разгадать история. Как не смог этот поступок до конца понять полковник Никольский, в глазах которого долго стояла жуткая картина покушения, мастерски выполненная писателем, когда «кругом стонали, кричали, копошились, ползли раненые. Детский голос звал — просил то ли пощады, то ли помощи. Раненая лошадь выбивала копытами фонтаны бурого от крови снега». Никольский насчитал раненых и убитых около двадцати человек. Вот этих — убитых и раненых, детского голоса и смертельно раненой лошади — полковник не мог простить Кибальчичу: «...проспал, не имел столь замечательной картины перед глазами. Какие же сны видел ты? Уж ясно, не окровавленного старика в изодранной шинели, с перебитыми костями ног. Не лошадь с выпученными глазами, не мальчика, не слышал его утихающий крик».

В нравственной сути характера Кибальчича пытается разобраться и адвокат Герард. Он считал, что массовое движение молодежи нравственно выродилось еще в апреле семьдесят девятого года. Это «благодаря им на Руси значительно подешевела кровь». Герарду трудно было защищать Кибальчича, ибо «все самое кровавое за эти два года готовилось его холодными руками, многократно обдуманно, оправдано, решено». А главное «никакого раскаяния или страдания не видел я на его лице». В итоге адвокат признает, что Кибальчичу «в сущности, никогда не была дорога ни своя, ни чужая жизнь. Все ему присуще, что и другим людям — любовь, печаль,

ненависть, страх, радость, — но все в малой степени, в зародыше, поскольку нет места чувствам, если человеком овладевает идея-фикс».

Писатель утверждает, что *«каждый, как может, провидит будущее»*. Такое ли будущее провидел себе Кибальчич? *«О таком ли поле деятельности мечтал он, приехав в Петербург? Он, склонный к уединению, к ученым занятиям, знающий несколько языков?»*

Государственный обвинитель Муравьев увидел в Кибальчиче новый тип борца в социально-революционном движении, наиболее опасного, ибо в его руках наука предстала носителем зла. Вместе с тем он рассматривает Кибальчича и как жертву народовольческого движения.

Кибальчич как ученый «проявит» себя только перед смертью. Словно спохватившись, боясь не успеть, герой все свои мысли направляет на реализацию своей главной научной идеи — проект воздухоплавательного аппарата. Николай Иванович решился на работу, которую давно откладывал на потом. Это и было его завещание потомкам. *«Я спокойно тогда встречу смерть, зная, что моя идея не погибнет вместе со мной, а будет существовать среди человечества, для которого я готов был пожертвовать своей жизнью»*.

«Трагедия русского общества, — подчеркивает П. Васюченко, — состоит в безмерном одиночестве мыслящих совестливых, одаренных интеллектуалов» (Васюченко П. Петроглифы. О литературе во времени и пространстве. // Всемирная литература, 2007, №1, с. 204.). Николай Кибальчич также переполнен чувством одиночества. Страх одиночества впервые постиг его после смерти матери и укрепился, когда отец отправил его в Мезень к деду Максиму. Из-за страха одиночества он бежал из Черниговской семинарии, затем из-за него перешел из Института инженеров путей сообщения в Медицинскую академию. Одиночество же подтолкнуло героя пригласить в Жорницу совершенно чуждого ему ЭнТэ, а впоследствии сбежать от него к брату. С новой силой страх одиночества постиг его после первого ареста, почти

три года сверлил душу в Киевском замке. Спасаясь от страха одиночества, герой в ДПЗ бросился к Брешковской, сблизился с Тимофеем Квятковским. Позже, выйдя на волю, из-за этого же страха он сблизился с народовольцами. И теперь, боясь остаться один, он хочет и умереть вместе с ними.

Уже в финале в Кибальчиче проявляется его второе «я» — «просто человек». Герой впервые сожалеет, что не знает своих соратников *«как человек»*. *«Почему ни разу не пришлось поговорить по душам, выслушать и рассказать о себе?»* Это второе «я», проснувшееся в Кибальчиче перед казнью, приведет его к мысли, что *«прозрачный и жалкий ручеек его собственной жизни истлел, то приближаясь, то отдаляясь, рядом с океаном вечности»*. В этом ощущении было нечто *«бессмысленное и счастливое»*.

Кибальчич, как и все его поколение, были распяты своим временем. Отсюда тянутся нити их трагических судеб.

Кибальчич не страшится предстоящего суда, для него гораздо важнее суд потомков. *«Что скажут о них потомки? Нет суда более пристрастного и несправедливого, чем их, грядущих поколений суд. Некому будет возразить им, обладателям своей временной правды и истины, своя злоба днями будет занимать их»*.

«Но, может быть, смерть оправдает и примирит», — пытается оставить себе хоть слабую надежду на бессмертие герой. Только напрасно! Самое страшное для Николая Ивановича случилось потом, уже после его смерти. Имя Кибальчича навсегда было вычеркнуто из списка выпускников Новгород-Северской гимназии, *«поскольку не гордиться, а стыдиться должно этого имени, не слава оно гимназии, а позор»*.

Нравственные искания романа связаны с идеей Христа. Кибальчич удался от христианского Бога. Но разве он не пытался, не хотел жить по христианским заветам? С христианской целью? Жертвуя своей жизнью во благо всего народа? Только народ не принял его жертвы. Время не понимало своих героев. А *«многие ли понимали*

Христа в последний день его земной жизни? Сколько времени прошло от смерти до понимания?» Народ понимал только одну правду — Божию: «Не убий». Двух правд русский народ признавать не хотел. Даже после случившегося, осудив террористов, народ надеялся на помилование, царь должен простить убийц, если чувствует связь с ним, народом. «Вот великая минута самоосуждения и самооправдания». «С отмищения ли начинать новому государю?» Нет, не простил новый царь террористов, следовательно, тоже нарушил основной закон христианской жизни. «Правда есть Бог, неправда — рознь, правда — единство». Или, говоря словами одного из героев романа: «Убийцы... Убийцы с обеих сторон. Вместо кровной мести — классовая и государственная. Око за око, зуб за зуб... На что, интересно, надеются?»

О. Ждан главную причину трагического неприятия народом протестного движения видит в отступничестве последних от христианского — базисного — начала русской идеи. В отступничестве от законов Божьих. Народо-вольцев упрекали во многом: безнравственности, жестокосердии, разврате, мстительности, фанатизме, нехристианстве и т. д. Но при этом забывали о главном: *«неправда — рознь, правда — единство»*. Правда есть Бог. Субстанциональной основой всего сущего на земле, по О. Ждану, являются не города и речки, *«а народная вера в грядущее, в добро и любовь. В конце концов, Бог у каждого свой, вера и безверие свои, а любовь к жизни единая. В этом и заслуга, и необходимость религии, какой бы она ни была, она объединяет и направляет людей»*. Время безжалостно сместило приоритеты. *«Из народа и России сотворили кумира, ради них преступили главную заповедь. За это и предстанут перед Его судом»*.

Автор усматривает уникальность развития российской истории в том, что она развивается по кругу. В 1901 году, когда студент Карпович с двух шагов выстрелил в министра просвещения Боголепова, начался ее новый «круг». Снова возникли *«их тени»*. И опять появились новые палачи и новые жертвы. *«Выходит, гуманизм и жестокость идут рука об руку»*. Как теза и антитеза. Возникает ощущение призрачности физического существования человека. *«Что остается после человека? Невыносимый вопрос»*.

Приближалась эпоха «тотального катастрофизма»...

«Братья! Поминайте наставников ваших!» — призывает и предостерегает словами апостола Павла всех нас Олег Ждан.

«Наставники... это и временные победители, и окончательно побежденные. И вы, и я, и те, кто уже за нами».

* * *

Роман «Не погибнет со мной» — логическое продолжение художественной биографии Олега Ждана. Он является автором многих книг о современности и историческом прошлом. В том числе и таких, как «По обе стороны проходной» (1987), «Князь Мстиславский» (2010), «Гений» (2011). Тексты писателя — это как бы два уровня художественного отображения бытия: материального и духовного. Для него важно передать не столько атмосферу времени, его психологию, идеи, но и углубиться, постичь незыблемое, общечеловеческое, субстанциональное, что делает мир духовно богатым, устремленным в будущее.

Дискурс О. Ждана не только о народо-вольцах, об историческом прошлом, он и о жизни современной. О современной, думается, даже больше.

Валентина ЛОКУН